

ЗАКУЛИСНАЯ ИСТОРИЯ

Актер В. Казаков повесился в гримерной сразу после заседания профкома. Это было второе заседание с одной повесткой — о его увольнении за употребление спиртного во время репетиции. На первом за предложение администрации проголосовал только председатель профкома актер Ю. Главацкий. На втором — перевесом в два голоса согласие на увольнение Казакова дали.

Закон ни администрацией, ни профкомом нарушен не был — к такому выводу пришла прокуратура Октябрьского района г. Архангельска. Но, кроме КЗОТа и Уголовного кодекса, есть ведь и неписанные общечеловеческие, нравственные нормы. Вот с ними, как мне представляется, в этой трагической истории не все так хорошо согласуется. Недаром после смерти Казакова стало так лихорадить коллектив театра.

СКАЖУ сразу: не претендую на бесспорность своих суждений, я, наверное, не беспристрастен в оценке каких-то качеств Владимира Александровича Казакова. Но он мне нравился, хотя ни выпивки на работе, ни тем более того рокового шага, конечно, оправдать не могу.

— Володя не имел права таким способом уйти из жизни, да еще обвинить в предсмертной записке членов коллектива, — сказал мне председатель областного отделения союза театральных деятелей С. Плотников.

В записке, действительно, такое обвинение есть, но Казакову, как говорится, теперь только Бог судья. А живым надо жить и искать ответ на непростой вопрос: почему же все это произошло?

Перед вторым заседанием профкома Казаков зашел в обком профсоюза работников культуры, рассказал о своем проступке. Себя не оправдывал, да и в объяснительной записке признал вину, но с увольнением (а в том, что профком свое «добро» даст, не сомневался) согласиться не мог. Ведь почти двадцать пять лет из прожитых сорона с небольшим отдал он театру. Казаков даже предупредил Главацкого, что на второе заседание пригласит юриста. Видимо, хотел отстаивать свое право на работу в актерском коллективе. Позволил Владимир Александрович и мне, собирав газету, предложить поговорить о делах театра. Не могу себе простить, что встретиться договорились через три дня. Разговор наш не состоялся.

Не было на том заседании и юриста. А сам Казаков вел себя иначе, чем при первом обсуждении своего проступка. Тогда пытался защищаться, был возбужден, на этот раз спокойно молчал. Только в конце сказал, что, если профком поверит ему, ничего подобного больше не повторится.

Увольнение Казакова скорее всего не состоялось бы. Против такого наказания был обком профсоюза — об этом прямо сказали Главацкому накануне заседания. Но сама идея уже родилась и материализовалась в докладной помощника режиссера, где заведующий труппой В. Колосов написал: «Предлагаю уволить...» И объяснил это так:

— Я выполнял указание Апарцева и не мог поступить иначе, хотя в душе не был согласен с ним. Но есть производственная дисциплина...

Апарцев в те дни был в Москве и через свою жену, заведующую литературной частью, передал распоряжение отстранить Казакова от спектаклей. Тем, по его словам, и ограничился. А если и были другие указания, отменяет ли производственная дисциплина личное зрение на работу товарища по работе? Впрочем, Колосов в беседе со мной с такой постановкой вопроса не согласился. А Апарцев задним числом высказал отношение и нарушителю вполне лояльное: дескать, если бы Владимир Александрович понадеялся или кто-нибудь из коллектива пришел просить за него, то, возможно, отпала бы необходимость настаивать на увольнении... А кроме того, по словам Апарцева, он был уверен, что профком согласится на увольнение не даст. Тогда зачем все это было затевать?

ПАЯТЬСЯ перед главрежем Владимир Александрович не стал, а просить за него никто не пришел. Вот почему Главацкий, уже после того, как по требованию значительной части коллектива вынужден был уйти из театра, спрашивал меня:

— Если все они такие благородные, почему же не вмешались раньше?..

Тут надо уточнить, что Казаков убежденным трезвенником не считался. Но за последние три года у него не было

никаких нарушений. Наказать надо было — спору нет, но не так же сурово. За последние лет десять работники бухгалтерии припомнили лишь один случай, когда по статье уволили беспробудно пившего монтировщика. Так что не согласуется то «добро» на увольнение, в моем понимании, ни с гуманностью, ни с обычным выполнением своего долга Ю. Главацким и другими членами профкома.

Впрочем, как сказал мне Колосов, члены профкома, проголосовавшие за увольнение, не очень-то верили, что Апарцев подпишет такой приказ. Думали, только попускают, дадут понять, что потакать не намерены...

А рабочие буфетского и других цехов тоже не верили, что профком даст согласие на увольнение, поэтому и не вмешивались в ход событий, хотя относились к Казакову с большой симпатией.

Словом, от начала до конца этой трагической истории никто не верил в возможность увольнения, и каждый думал, что кто-то другой, а не он, должен сделать (и сделает!) гуманный шаг, отвести от человека беду. Все это очень напоминает мне некий спектакль с трагической развязкой, где каждый играл свою роль, полагая, что текст уже написан драматургом и изменению не подлежит. Мне даже кажется, что Казаков, как никто другой, чувствовал эту фальшивую игру и знал наверняка, какая роль отведена ему самому — грешника, кающегося в должностных кабинетах. Эту роль он отверг. Не стал и бороться за свое место в театре, хотя был по-своему сильным человеком. Впрочем, не уверен, что его победа принесла бы покой и радость в коллектив...

АТМОСФЕРУ неискренности, заметной нравственной глупоты в театре сформировали многие причины. Среди них и огромная зависимость от начальства, лиценские оклады, вынуждающие актрис подрабатывать мытьем полов, бытовые неустройства... Словом, то самое бытие, определяющее сознание людей, от которых мы ждем уроков сострадания, мудрости и высоких порывов. И перед нами все это более или менее талантливо играют на сцене. А в жизни — увы...

Архангельский театр сейчас в критической ситуации. И не только потому, что вместе с Главацким и его женой вынуждены были уйти Апарцевы, а заменить их нечем. Остались отнюдь не единомышленники. Но работать ведь надо вместе, под одной крышей. Сеять доброе, вечное. Жить, а не играть в жизнь, которая не проста и не обещает в ближайшем будущем никаких особых благ.

— Только две вещи изумляют меня: звездное небо над головой и нравственный закон во мне, — этой цитатой актриса В. Томилина напомнила своим товарищам на собрании коллектива театра и общественности города о той моральной планке, ниже которой нельзя опускаться актеру. Да и любому из нас.

— Мы все так или иначе виноваты в смерти Казакова, — горько сказала мне помощник режиссера С. Кирова.

Не помню уж, кто из работников театра добавил, что Владимир Александрович своей смертью всем нам дал возможность понять, насколько мы очерствели и стали беспощадны друг к другу.

Не слишком ли дорога цена?..

А. ПЕТРОВ.

[Соб. корр. «Труда»].

АРХАНГЕЛЬСК.